

В 1922 ГОДУ в Одессе, в семье Эдуарда Багрицкого, автора знаменитых поэм «Дума про Опанаса» и «Смерть пионерки», родился сын. Мальчика назвали благозвучным именем Всеволод. Но во дворе и в школе он был просто Севка, веселый и озорной. С детства его окружала атмосфера высокой духовности. Иначе и быть не могло, ведь отец — известный поэт. Кстати, еще две сестры матери поэта Лидии были женами литераторов: Ольга — Юрия Олеши, Серафима — Владимира Нарбута.

Из Одессы семья Багрицких переехала сначала в подмосковное Кунцево, а в 1930-м уже жила в столице. Творческая атмосфера окружала Севу и дома, и в Коктебеле, куда он не раз ездил с отцом. А посему интерес к литературе у мальчика проявился очень рано. И начал он писать стихи. Редактируя школьный журнал «Зеркало», Сева под псевдонимом Вс. Кунцев помещал на его страницах и свои стихи.

Когда Всеволоду было 12 лет, умер отец. А в роковом 37-м арестовали и сослали в Казахстан мать. Остался Сева на свете один как перст и дорогу свою в жизнь пробивал самостоятельно.

Рука тянулась к перу, перо к бумаге, и вот после окончания школы вместе с одноклассником Сергеем Долецким Всеволод пишет для театра рабочей молодежи пьесу «Студенты». Надо было зарабатывать, и молодой поэт становится внештатным консультантом «Пионерской правды». Публикует свои очерки в «Литературной газете» и «Труде». А в 1941-м поступает на вечернее отделение литературного института имени Горького.

Во время войны писательские семьи эвакуировали из Москвы. Так Всеволод оказался в небольшом татарском городке Чистополе. В армию его не брали из-за близорукости. Но он просился на фронт, добивался, и, наконец, при содействии Александра Фадеева его призывали в армию и отправили на передовую. Война разделила его жизнь надвое — на мирное вчера и военное сегодня.

Январь сорок второго. Трескучие сорокаградусные морозы. А он в простой шинелишке в теплушке отправляется на войну, в армейскую газету. В чине, как он пишет, «техника-интенданта». На фронт поэт взял с собой

«Мне так не хотелось в землю...»

По-разному складываются судьбы людские. К одним Фортуна благосклонна, к другим переменчива. Всеволоду Багрицкому она не делала подарков. Жизнь этого человека была очень драматична...

тетрадь с надписью «Стихи». И вот первая запись в той самой тетради:

Эшелон идет на запад.
Стекла черные мокры.
Храп, раскисший запах
Пота, крови и махры...

Военная дорога привела Всеволода Багрицкого в Неболчи: надо было доложить в штабе Волховского фронта и получить направление. Направили в штаб Второй ударной армии, в Малую Вишеру.

Оттуда, получив предписание, Всеволод едет в деревню Огорели, где работает во фронтовой газете «Отвага». Прибытие молодого журналиста совпало как раз с январско-февральским наступлением Волховского фронта. Правда, тогда еще ничто не предвещало трагической участи Второй ударной.

Ответственный секретарь газеты при встрече отметил уж очень невоенную выправку Багрицкого, подчеркнув, что тот был подслеповат, неуклюж, су-

туловат, к тому же одет почти по-летнему. Первый раз Всеволод понял весь ужас войны, когда «юнкеры» разбомбили дом вблизи редакции. Война требовала от поэта огромного напряжения, ведь бои шли непрерывно, а он следовал вместе с наступающими ударными частями. В редакции появлялся только для того, чтобы «отписаться», сдать в набор очередную корреспонденцию, очерк или стихи. Сам «стучал» на машинке свои материалы и жуть как не любил, когда в них вме-

шивалась «чужая» рука, хотя бы и редакторская.

Картины перед ним разворачивались страшные, и обо всем увиденном он делает записи в своем дневнике. Так, например, родилось его стихотворение «Встреча», о страданиях женщины-матери, рассказавшей: «Германец хату мою поджег, с сынишкой загнал в окоп...». Дал поэт обширный материал для целой полосы в газете под названием «Большое горе маленького колхоза». В материале говорилось об уничтоженной

фашистами деревне Новые Быстрицы.

Багрицкий не только констатировал страшную действительность, вел своими строками в бой, но и призывал к терпению:

Но, побеждая, надо уметь ждать, негодуя, ждать и терпеть.

Драма войны вплеталась в личную драму поэта. Свидетельство тому — скорбная запись в дневнике, сделанная 16 февраля 1942 года: «Сегодня 8 лет со дня смерти моего отца. Сегодня 4 года и 7 месяцев, как арестована моя мать. Сегодня 4 года 6 месяцев вечной разлуки с братом. Вот перечень моих «счастливых» дней. Дней моей юности».

Делая это горестное резюме, поэт не знает, естественно, что жить ему остается недолго. Всеволод рвется в конный корпус генерала Гусева, страстно желая участвовать в рейде из-под Малой Вишеры на Любань. И вот уже он в деревне Дубовик берет интервью у политрука... Бомба от «юнкера» прошивает осколками избу, где идет разговор. Журналиста, молодого поэта, мечтателя больше нет. Кровью залита заветная тетрадь со стихами...

Товарищи по редакции похоронили Всеволода в двух километрах от села Сенная Кереть у развилки двух дорог. Произвели салют и отдали последнюю почесть поэту-воину. Художник газеты Евгений Вучетич (впоследствии известный скульптор) прибил к березе над могилой фанеру со словами: «Воин-поэт Всеволод Багрицкий. Убит 26 февраля 1942 года». А рядом написал строки Марины Цветаевой, которые Багрицкий не раз читал друзьям по редакции:

Я вечности не приемлю, Зачем меня погребли? Мне так не хотелось в землю С любимой моей земли.

В 1964 году, вернувшись из заключения, его мать издала сборник «Всеволод Багрицкий. Дневники, письма, стихи», а в 1968-м поэт был посмертно награжден мемориальной медалью имени Николая Островского. Обелиск фронтовому журналисту в виде пирамиды со звездой был установлен в 70-е годы прошлого столетия.

Эта грустная история — лишь об одном из 417 писателей-фронтовиков, не вернувшихся домой с войны.

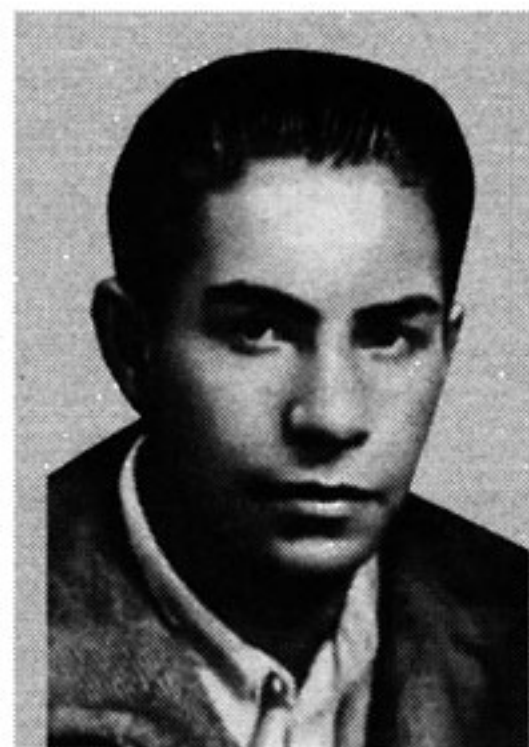
Юрий АСТАШКИН.
Великий Новгород.

Фото автора.

ИСТОРИЯ

«Мне так не хотелось в землю с родимой моей земли...»

26 февраля исполнилось 70 лет со дня гибели военного поэта Всеволода Багрицкого

Известно, что корреспондент фронтовой газеты «Отвага» 2-й ударной армии Волховского фронта Всеволод Багрицкий погиб во время выполнения очередного журналистского задания. Случилось это недалеко от деревни Дубовик Любанского района, а последнее пристанище юный поэт нашел в шести километрах от новгородской деревни Малое Замощье, где его захоронили коллеги-газетчики. В 70-е годы на его могиле появился скромный обелиск с датами рождения и смерти и с четверостишием Марины Цветаевой, которое Всеволод так любил цитировать, словно предчувствуя свою гибель: «Я вечности не приемлю, зачем меня погребли? Мне так не хотелось в землю с родимой моей земли».

Светлана ДУБОВИЦКАЯ
Николай БАРАНОВСКИЙ (фото)

Дорога в прошлое

В минувшее воскресенье десятки новгородцев, преодолев километры пути по заснеженному лесу, пришли на место захоронения, чтобы возложить цветы и еще раз вспомнить короткую, но такую яркую жизнь этого талантливого человека. Вместе с ними бывшими военными дорогами прошагали и корреспонденты «НВ», пытаясь восстановить последние дни жизни Всеволода Багрицкого.

...Предполагалось, что пешком придется идти всего 700 м, однако на деле машины пришлось оставить за километры до цели нашего путешествия. Несмотря на то, что дорога была предварительно укатана снегоходами, рыхлый снег не позволял шагнуть в сторону ни на йоту — ноги сразу проваливались по колено. Мы шли гуськом, всматриваясь в лесную чащу, и думали об одном: именно в такой февральский день небо и земля содрогались здесь от разрывов тысяч и тысяч снарядов. А посреди этого кошмара замерзали в снегу красноармейцы.

Был среди них и 19-летний Всеволод Багрицкий, который, несмотря на сильную близорукость, сам в январе 1942-го напросился на фронт и был направлен в армейскую газету. В редакцию, которая располагалась в землянке с окнами на потолок, посреди соснового бора, он добрался лишь 24 января. В своем дневнике он записал, что встретили его приветливо, но чувствовалось, что он так и не успел, что называется, влиться в коллектив. Да и более опытным коллегам не хватило времени разглядеть в неуклюжем подслеповатом пареньке, одетом совсем по-летнему в сорочкоградские морозы, чистую и ранимую душу — уж слишком быстро закончилась военная эпопея новоиспеченного красноармейца, которому было суждено погибнуть через 34 дня.

...Дорога была утомительной, но глядя, как идут ветераны и женщины с маленькими ребятишками, роптать было просто стыдно. Наконец появился указатель «До могилы В. Багрицкого — 700 метров». Тропинка решительно повернула в глубь леса. Нас обгоняли поисковики в камуфляжной форме и школьники с автоматами в руках — многим здесь знакомы каждый метр земли и каждая воронка.

Через минуту улыбнулась удача — нас с фотокорреспондентом подобрал снегоход, и уже через минуты показались высокий поклонный крест, установленный рядом с обелиском. Было как-то радостно увидеть людей, дымящийся костер и пытящий самовар. Наверное, такую же радость испытывали и те, кто возвращался с передовой в свои фронтовые землянки.

Торжественная часть продлилась недолго, ведь и сама биография поэта была не большой. Тем, кто не знаком с его творчеством, напомним лишь, что Всеволод был сыном известного поэта Эдуарда Багрицкого, знакомого старшему поколению по строкам:

*Нас водила молодость
в сабельный поход,
Нас бросала молодость
на кронштадтский лёд...*

Перед началом войны отец умер. Вскоре была арестована мать, по которой Всеволод очень скучал, но никогда не показывал этого окружающим. То, какие мысли одолевали его в зимние дни 42-го, можно понять, прочитав его дневниковые записи и написанные на фронте стихи:

*Мы двое суток лежали в снегу,
Никто не сказал: «Замёрз, не могу».
Видели мы — и вскипала кровь —
Немцы сидели у жарких костров.
Но, побеждая, надо уметь
Ждать негодую, ждать и терпеть.*

Как-то по-особенному звучали эти строки в зимнем лесу, и после них не хотелось произносить никаких громких, официальных слов. И это почувствовали все — в молчании прогремел воинский салют, и прошла гражданская панихида, которую провел настоятель новгородской церкви Александра Невского отец Сергей. Губернатор Сергей Митин, который также был среди тех, кто пришел к могиле поэта, поделился с нами своими впечатлениями:

— Очень жаль тех молодых ребят, которые погибли из-за промахов военного руководства. Всеволод Багрицкий — яркий тому пример. С другой стороны, меня впечатляет отношение ветеранов, поисковиков, молодежи — столько людей приехали сюда за десятки километров, в праздник, чтобы вспомнить поэта! Вот так и должно быть, ведь в этой памяти — сила и мощь нашего народа!

Последнее интервью

Всеволод Багрицкий старался не выдавать своих переживаний, жил жизнью рядового армейского журналиста, уходил в тыл к немцам, писал статьи и стихи. И вместе со всеми в ожидании атаки пересчитывал, лежа в окопе, холодные февральские звезды.

Зимой 42-го шли непрерывные бои, нужно было прорвать кольцо блокады Ленинграда. Тем для журналистов о героизме наших солдат, сражавшихся в районе Мясного Бора — Спасской Полисти, было с избытком. Все они, как правило, появлялись в редакции лишь для того, чтобы сдать очередной материал, а потом опять уходили на передовую. Всеволод писал в своем дневнике о том, как опасна его работа, но о своем поступке никогда не жалел. Гораздо больше голода, бомбежек и прочих невзгод его потрясала сама жестокость войны: «Сегодня я вернулся из второй поездки на передо-

Уже этой весной на месте гибели поэта будет установлен новый монумент

вую. Я бродил по разрушенным деревням, где не осталось ни одного целого дома. Я видел жителей, почти всю зиму проживших в землянках».

Увиденная им военная драма переплеталась с его личной. 16 февраля 1942 года, за десять дней до гибели, в своем дневнике он словно подводит итог всей своей жизни: «Сегодня восемь лет со дня смерти моего отца. Сегодня четыре года семь месяцев, как арестована мать. Сегодня четыре года и шесть месяцев вечной разлуки с братом. Вот моя краткая биография. Вот перечень моих «счастливых» дней».

Свою смерть военный корреспондент встретил, когда брал интервью в окрестностях деревни Дубовик то ли у политрука, то ли у героя-летчика. В одном очевидцы сходятся — смерть была мгновенной и наступила от осколка разорвавшейся авиабомбы.

На крестьянских саях тело Багрицкого привезли в редакцию. Из ворот крестьянского сарая сколотили гроб, застелили еловыми ветками и похоронили поэта с военными почестями. Мне приходилось читать, что его пробитые осколком сумку, тетрадь со стихами и письмо матери коллеги отправили в Москву Александру Фадееву. Сегодня это трудно проверить, известно лишь, что после войны сборник стихов Всеволода Багрицкого издаст его мать. Гораздо больше загадок связано с самим местом захоронения поэта.

Тайны Мясного Бора

Долгие годы могилу Багрицкого искал наш земляк Николай Орлов. В своих воспоминаниях он рассказывает, что встречался с матерью поэта и с оставшимися в живых сослуживцами поэта, со свидетелями его гибели и участниками похорон. Назывались разные ориентиры. Например: сосна с прибитой на ствол табличкой, на которой военный художник фронтовой газеты, а впоследствии известный скульптор Евгений Вучетич написал знаменитые строки Цветаевой. Однако позднее Николай Орлов со слов бывших сотрудников газеты напишет, что могила, скорее всего, была разрушена во время бомбежек.

На каком же месте был установлен в 70-е годы тот самый обелиск, у которого 26 февраля собрались новгородцы? Находится ли под ним тело погибшего поэта? Этот вопрос я задал сыну Николая Орлова Александру, и тот, к моему удивлению, подтвердил:

— Да, Всеволод Багрицкий захоронен именно здесь. Отцу удалось его найти. Он рассказывал, что могилу вскрывали, и убедились: в ней именно Багрицкий — в гимнастёрке, очках и с карандашами в кармане.

Но, по слухам, лужские поисковики однажды шупом проверили землю, на которой стоит обелиск, и не нашли никаких следов захоронения. Так что однозначно утверждать, что останки поэта найдены, — рано. Мясной Бор хорошо умеет хранить свои тайны.

Василий
ДУБОВСКИЙ

«Облака пролетают, тая...» Он хотел их остановить

В этом году Всеволоду Багрицкому исполняется 96 лет. Поэт, сын известного поэта, он так и не стал Всеволодом Эдуардовичем. Не успел. Багрицкий-старший, революционный романтик, автор стиха-гимна поколения Гражданской войны «Нас водила молодость...», жил мало — всего 38 лет. Его сыну, любимому Севе, судьба отмерила вдвое меньше. Отца сразила болезнь, сына — осколки немецкой бомбы.

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ в феврале 1942 года. Корреспондент газеты «Отвага», выехав по редакционному заданию в деревню Дубовик, встретился с политруком 100-го кавалерийского полка Онуфриенко, отличившимся в боях. Осколки упавшей рядом бомбы изрешетили политотдельскую избу и обоих офицеров. Полевая сумка Багрицкого, тетрадь с надписью «Стихи», письмо матери — навывлет, насквозь, навсегда...

Его похоронили на перекрестке фронтовых дорог у сосны, прибав доску с вырезанным на ней редакционным товарищем, впоследствии — известным скульптором Евгением Вучетичем четверостишием из любимой Цветаевой:

*«Я вечности не приемлю!
Зачем меня погребли?
Мне так не хотелось в землю
С любимой моей земли!».*

Кто придумал бы лучше?

И много чего было потом. Но никто не знает, каким поэтом мог стать Багрицкий-младший. У юноши, окружающие в этом не сомневались, был несомненный литературный дар. Никто не скажет, вышел бы он из новгородских лесов, не случись ему 26-го числа оказаться в той злополучной избе. Через несколько месяцев под Мясным Бором армия погибнет. И будет пленен прибывший в редакцию фронтовой газеты на место Багрицкого другой поэт с трагической судьбой — Муса Джалиль (старший политрук Муса Залилов).

ВОЙНА СИЛЬНО изменила эти места. Многих деревень не стало. И деревни Дубовик нет. Еще с 1942-го нет. Шли годы, поднимались леса, потерялся тот фронтовой перекресток.

Фото
из открытых
источников

Всеволод Багрицкий (слева) с товарищем. Москва, август 1941 года

Но в 1960-е найти могилу Багрицкого беретс поисковик № 1 Николай Орлов. По просьбе матери поэта Лидии Багрицкой, узнавшей из телевизионного альманаха «Подвиг» писателя Сергея Смирнова о следопытской деятельности Николая Ивановича. Ей хотелось бы перезахоронить сына рядом с мужем на Новодевичьем кладбище. Она знает лишь то, что Всеволода нужно искать где-то под Мясным Бором. И Орлов найдет его, потратив несколько лет. Лидия Густавовна не доживет до этого дня.

Деревня Малое Замощье, от нее — несколько километров лесом. Там в 2012 году по инициативе поисковиков был установлен мраморный обелиск.

Есть, впрочем, сомневающиеся: а та ли это могила?

— Отец в этом не сомневался, — говорит наш известный поисковик Александр ОРЛОВ. — Ориентиры же совпали. И к тому же вскрывалась могила. Рядом с останками были найдены карандаши, очки...

*Он упал в начале боя,
Показались облака...
Солнце тёмное лесное
Опускалось на врага.
Он упал, его подняли,
Понесли лесной тропой...
Птицы песней провожали,
Клёны никли головой.*

За день до смерти Всеволод Багрицкий оставил в дневнике несколько строк: «Давно ничего не записывал. Не было времени. Переезды, командировки, бессонница. Уже два раза попадал под сильный миномётный и артиллерийский обстрел. Чертовски противно. Стал пугливее, чем был... В общем, теперь надо держаться крепко...».

В 1958 году вышел сборник стихов погибших в войну поэтов «Стихи остаются в строю», куда вошли и произведения Багрицкого, а в 1964 году была издана книга «Дневники. Письма. Стихи», составленная из рукописей, сохраненных его матерью и близкими людьми. Эти строки под обложкой — напоминание, объяснение, просто знакомство, в конце концов. Так легко прочесть буквально. И, казалось бы, зачем усложнять? Не символист же он был, этот юноша, не пытался шифровать себя сложными образами. Ну да, конечно, предвидел: «Он упал, его подняли» — войны еще не было в помине. А вот из 1941-го:

*«Путать планы, числа и пути,
Ликовать, что жил на свете меньше
Двадцати».*

Написано 6 декабря 1941 года. В день, когда Всеволод Багрицкий подал заявление: «Прошу Политуправление РККА направить меня на работу во фронтовую печать. Я родился в 1922 г. 29 августа 1940 г. был снят с воинского учета по болезни (близорукость). Я — поэт. Помимо того что закрытия «Литературной газеты» был штатным ее работником, а также сотрудничал в ряде других московских газет и журналов».

Написано в Чистополе, в эвакуации. Туда уехал из Москвы с театральной студией. С последним писательским эшеленом. Душно. Бесцельно. Спектакли, стихи. А где-то идет война.

Ему выпало ее на какой-то месяц с небольшим. За день до смерти оставил в дневнике несколько строк: «Давно ничего не записывал. Не было времени. Переезды, командировки, бессонница. Уже два раза попадал под сильный минометный и артиллерийский обстрел. Чертовски противно. Стал пугливее, чем был... В общем, теперь надо держаться крепко...».

ОН ЧЕСТЕН в своем дневнике. Вот еще из февраля: «Молчу, когда мне трудно» и «Мечтаю найти себе друга и не могу».

И еще: «Весь противоположный берег усеян трупами. Из-под снега видны серые солдатские шинели. Нет, не чувство страха охватывает при виде этого зрелища, а чувство глубокого бесконечного одиночества».

Но чувство одиночества овладевало им долго до того, как мог видеть жуткий пейзаж властвующей смерти. Мама была арестована в 1937-м за обращение в прокуратуру с протестом против ареста поэта Владимира Нарбута. В том же году покончил с собой друг и двоюродный брат Игорь Росинский, пасынок писателя Юрия Олеши.

Накануне своего 18-летия Всеволод Багрицкий писал, что «уже видел столько горя, столько грусти, столько человеческих страданий, что мне иногда хочется сказать людям, да и самому себе: зачем мы живем, друзья? Ведь всё равно «мы все сойдем под вечны своды».

Это «всё равно» окунает нас в атмосферу 1930-х. Никакие революционные заслуги не в счет.

*«Но где ни взглянешь —
Враги, враги,
Куда ни пойдёшь —
Враги».*

Это — из стихотворения «Гость», Всеволоду — только 16.

ТРАГИЗМ СУДЬБЫ, восприимчивость к чужой боли, тонкая и ранимая натура поэта. Опасная для жизни комбинация. У многих его сверстников — кого знал, с кем дружил — не так. Длиннее гораздо вышли жизненные истории. Актер Максим Греков, поэт Александр Галич. А его несостоявшаяся любовь, почти невеста — Люси? Супруга академика Сахарова — Елена Георгиевна Боннэр.

А он, Всеволод Багрицкий, — навечно юный поэт. Совсем мальчишка. «Слегка раскосые глаза, короткий туповатый нос, волосы лохматые, густые, распадающиеся, вздымаемые чистопольским ветром» — таким он запомнился Наталье Соколовой, одной из подруг по эвакуации.

Большую часть своей короткой жизни был москвичом — благодаря Валентину Катаеву, привезшему своего земляка Эдуарда Багрицкого «завоевывать столицу». Умер (трагически и мгновенно) под Новгородом. А родился в Одессе. Там сейчас хранится полевая сумка Всеволода, завещанная родственниками.

Всеволод БАГРИЦКИЙ

ОЖИДАНИЕ

*Мы двое суток лежали в снегу.
Никто не сказал: «Замёрз, не могу».
Видели мы — и вскипала кровь:
Немцы сидели у жарких костров.
Но, побеждая, надо уметь
Ждать, негодую, ждать и терпеть.
По чёрным деревьям всходил
рассвет,*

*По чёрным деревьям
спускалась мгла...*

*Но тихо лежи, раз приказа нет,
Минута боя ещё не пришла.
Слышали (таял снег в кулаке)
Чужие слова, на чужом языке.
Я знаю, что каждый в эти часы
Вспомнил все песни, которые знал,
Вспомнил о сыне, колы дома сын,
Звёзды февральские пересчитал.
Ракета всплывает и сумрак рвёт.
Теперь не жди, товарищ! Вперёд!
Мы окружили их блиндажи,
Мы половину взяли живьём...
А ты, ефрейтор, куда бежишь?!
Пуля догонит сердце твоё.
Кончился бой. Теперь отдохнуть,
Ответить на письма...*

И снова в путь!

1942 г.

Фото
portal-vn.ru

Место захоронения Всеволода Багрицкого обнаружил Николай Орлов